

В МЕРУ СВОЕЙ ИСПОРЧЕННОСТИ

Довольно забавные впечатления оставляют опусы **Николая Астафьева**. Не знаю, разбирали ли в ведомственной газете, где до выхода на пенсию он работал корреспондентом, на летучках материалы журналистов. Судя по материалу, напечатанному в «Литературной России» № 24 от 7 июля 2017 года, Астафьев не обладает в должной степени аналитическим умом и в доказательство своих утверждений не приводит факты. Порою кажется, что написав один абзац, он тут же забывает о его содержании.

Вот, к примеру, что пишет в своём материале газетчик Астафьев: «...я своевременно устранил опечатки, внёс необходимые дополнения и правки стилистического характера». То есть автор признаёт, что рукопись, которую он предлагал на конкурс годом ранее, была далеко не идеальной и, естественно, не прошла конкурсный отбор. Хотя выше он написал «Мою книгу о днях, предшествующих гибели Есенина бесцеремонно отклонили, сославшись на нехватку денег» (это на **Есенина**-то в его юбилейный год!).

Ещё раз напомним, рукопись Астафьева не прошла конкурсный отбор, как не прошли его десятки других книг в 2016 году. Неужели автору опуса отказывает память? Юбилей Есенина был годом ранее – в 2015 году! Да и причём тут какая-то нехватка денег?! Под таким предлогом не отклонили ни одну из книг. На чём основано утверждение газетчика Астафьева? Только на его «творческом вымысле». В издательский совет входит более двух десятков авторитетных и известных в городе писателей, издателей и представителей правительства Санкт-Петербурга. Выходит по логике Астафьева (хотя вряд ли он имеет понятие, что это такое) я затерроризировал всех этих уважаемых людей, чтобы чинить препятствия выходу «гениальной» книги о Есенине.

«Есениновед» утверждает «И всё это совершалось вопреки постоянным препятствиям» Б. Орлова. Хочется задать вопрос: «А что всё это?» И имеется ли у Астафьева хотя бы один факт «всего этого»? Что я ходил на почту вместе с «есениноведом» и мешал ему рассылать книги?

В 2017 году конкурсная заявка на редакционно-издательский совет от НППЛ «Родные просторы» была подана с грубыми юридическими нарушениями и на начальной стадии была отклонена, как и ещё шесть заявок от других организаций. То есть её отклонили юристы, а не члены редакционно-издательского совета. А причём тут Б. Орлов? «Есениновед» пишет: «Представляю, как радостно потирал руки Борис Орлов, присутствовавший на заседании совета в качестве наблюдателя, как он бросал свои реплики...» Каждый в меру своей испорченности может представлять что угодно. Это его право. Только вот клеветать не надо.

Я вообще-то сидел молча, когда перечисляли организации, не прошедшие через сито юридического отдела. Действительно, ряд достойных книг не могли принять участие в конкурсе.

Книгу Н. Астафьева подобной не считаю. И вот почему. В конце 1980-х годов известный учёный врач-паталогоанатом **Фёдор Александрович Морохов** выдвинул версию об убийстве Есенина и написал об этом книгу. К сожалению, на тот момент он не мог познакомиться с рядом документов о гибели Есенина. Поэтому версия Морохова выглядела убедительно.

После смерти Морохова **Виктор Кузнецов** взял большую часть материалов из книги врача-паталогоанатома и без ссылки на автора сделал из них костяк «своей» книги. Причём многие факты трактовал очень вольно. Кроме того, на одном из писательских совещаний в начале 1990-х годов даже пытался оклеветать Фёдора Морохова, заявив, что отец врача-паталогоанатома был чекистом – одним из убийц Есенина. Мне пришлось поставить автора «сенсаций» на место. Рассказав, что отец Ф. Морохова был простым крестьянином и на момент смерти Есенина жил в ярославской деревне.

Подобных «сенсаций» во время горбачёвской перестройки появилось немало. Была даже создана государственная комиссия, которая состояла, кроме писателей, из медэкспертов. Она пришла к выводу, что Есенин руки наложил на себя сам.

А вот до самоубийства его довели троцкисты, которые ненавидели всё русское. О многом говорит хотя бы тот факт, что против Есенина было возбуждено тринадцать уголовных дел, которые на момент гибели поэта не были закрыты. До конца декабря 1925 года он трижды пытался совершить самоубийство.

Любителям «сенсаций» я бы посоветовал более детально ознакомиться с воспоминаниями современников Есенина и заодно с историей болезни, заполненной в присутствии Сергея Александровича осенью 1925 года в психиатрической клинике. Да и эмигранты, люто ненавидевшие Советскую власть, в случае даже малого подозрения в убийстве Есенина, подняли бы шум.

Зачем было чекистам плести какие-то заговоры против Есенина? Его попросту могли бы пьяного убить в подворотне кирпичом или пырнуть ножом «в кабацкой пьяной драке».

«Есениновед» Николай Астафьев, по-видимому, не от большого ума любит навешивать ярлыки и писать «Открытые письма».

Я допускаю возможность убийства Есенина. Но об этом стопроцентно можно будет говорить только после эксгумации. Пока же моё мнение: пятьдесят на пятьдесят. И даже, если поэт наложил на себя руки сам – это доведение до самоубийства.

1920-е годы были во многом похожи на 1990-е по своему хаосу и наплевательскому отношению чиновников к служебным обязанностям. Так что какие-то их недоработки считать умышленными беспочвенно. Астафьев, по-видимому, считает, что в 1920-е годы чиновники относились к своим обязанностям так же добросовестно, как это было в брежневский период.

Кроме того, книга написана скучным языком, занудно, и нового из неё я ничего не узнал. По-видимому, автору очень захотелось попиарить себя на

трагедии великого русского поэта. Других-то более-менее значимых литературных достижений у него нет. Да и это очень сомнительно.

Николай Астафьев считает, что я использую своё служебное положение и предлагает: *«Подсчитайте, сколько за счёт государства своих личных книг он выпустил...»*. Думаю, что не только курицы, но и Астафьев до трёх считать умеет. Так вот за двенадцать лет я выпустил всего три книги. И в этом деле я далеко не лидер. Мог бы Николай Астафьев подсчитать и то, что по заявкам Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России за последние пять лет за государственный счёт было издано около двухсот книг. В том числе и книга стихов Н. Астафьева. А в этом году редакционно-издательским советом из 37-ми предложенных книг было одобрено 35. Причём заявка предварительно прошла через юридический отдел.

«Есениновед» как-то странно (то ли обвинительно, то ли оскорбительно) пишет о том, что меня вывели из редакционно-издательского совета. Но, кроме меня, вывели и председателя Союза писателей Санкт-Петербурга **Валерия Попова**. В следующем году ещё кого-то выведут. Ротация!

Если «некрофилы от литературы» не угомонятся, то лет через десять-пятнадцать появится новая «сенсация». Какой-нибудь единомышленник Н. Астафьева назовёт **Л. Дербину** тайным агентом КГБ. И тут же придумает заговор, организованный ЦК КПСС, по устранению борца с Советской властью **Николая Рубцова**.

Не стал бы отвечать на опус Н. Астафьева, если бы он не разослал его веером в несколько средств массовой информации.

Астафьеву хочу посоветовать: Угомонись, Николай! Твои опусы не много добавляют в многотомник клеветы на меня, составляемый редактором «Невского альманаха» **Владимиром Скворцовым**. А если ты считаешь себя верующим, сходи в церковь и покайся. Ибо лжесвидетельство – большой грех.

Борис ОРЛОВ